

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на круглом столе «Духовность. Нравственность. Закон»

28 марта 2012 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл принял участие в работе круглого стола «Духовность. Нравственность. Закон» в Московском университете МВД России.

Благодарю Вас, Рашид Гумарович.

Я бы хотел начать свое слово с оценки той статистики, которую Вы нам сегодня представили в отношении погибших сотрудников правоохранительных органов. Количество жертв соотносимо с количеством жертв в военных действиях. Что такое 400 с лишним погибших офицеров? Если соотнести с информацией о военных действиях за рубежами России, то цифры будут даже превышать количество погибших военнослужащих в горячих точках.

Для того чтобы понять, что означают эти жертвы, давайте подумаем о том, что же происходит на территории нашей страны. Совершенно очевидно, что идет скрытая необъявленная война с нашим обществом тех, кто не желает жить по закону. Очень легко демонтировать полицию и другие правоохранительные органы; легче всего это сделать, если существуют изъяны в их деятельности, точно так же, как достаточно легко демонтировать Вооруженные силы. Но совершенно очевидно, что результат будет трагическим для всей страны. Страна потеряет самое себя. Поэтому, когда мы говорим о реформировании, будь то правоохранительной системы или Вооруженных сил, нужно в первую очередь задуматься о методах и способах этого реформирования, потому что ответ на возмущенные возгласы людей может оказаться радикальным, непродуманным и, преследуя добрые цели, фактически обернуться непоправимыми последствиями для всего народа. Это мой тезис: все то, что необходимо реформировать, нужно реформировать, но реформирование не должно означать саморазрушения и не должно означать понижения потенциала к сопротивлению, будь то внешним или внутренним угрозам. Если реформирование несет в себе ослабление этого потенциала, то это не реформирование — тому есть другое определение, которое я не хотел бы в этой аудитории использовать.

Я бы хотел воздать дань мужеству и героизму людей, которые в мирное время, когда многие из нас сидят дома, занимаются профессиональными делами, посещают театры, отдыхают в отпуске, — выходят один на один с врагом и часто погибают в этой схватке. А мы даже не знаем их имен, так быстро в новостном блоке проходит эта информация, и страна не приспускает флаги, когда сотнями убивают наших людей, стоящих на защите жизни каждого из нас. Поэтому я и хотел бы открыть эту дискуссию словами глубочайшей благодарности тем людям, которые исполняют свой долг, оставаясь

верными присяге, — идут на штурм засевших террористов, спасают мирных жителей, рискуя своей жизнью, отдавая свою жизнь, становясь пожизненно инвалидами...

Ну а теперь перейдем к проблемам. Они на поверхности — и то, что произошло в Казани, и то, что происходит во многих других местах; и вот для того чтобы решить эти проблемы, мы должны как-то выработать правильную методологию. Во-первых, что такое милиционер (позвольте мне употребить более привычное слово) или полицейский (в нынешней терминологии) — для обычного человека, который идет по улице? Где этот простой человек видит представителя власти? В местный совет или в местную администрацию он не приходит, если нужды нет, и с властью сталкивается только тогда, когда видит человека в полицейской форме. Для абсолютного большинства людей, не обращающихся во властные структуры, не имеющих отношения к политическому процессу, милиционер — это и есть представитель власти, это лицо власти. Каков милиционер, такова и власть с точки зрения абсолютного большинства.

Вот почему проблемы, происходящие в среде правоохранителей, особенно тех, кто носит форму, кто входит в реальное соприкосновение с населением, так больно отзываются в сердцах людей и могут повлечь опаснейшие политические последствия — ведь речь идет о дискредитации власти как института. Думаю, это понимали всегда — и при государе императоре, и в советское время, и сейчас мы все это понимаем. Именно поэтому человек не надевает форму просто так, это же не ряженный — форма надевается, когда человек приносит присягу. Неслучайно те, кто является носителем власти, неслучайно те, кто является символом власти, приносят присягу, а нарушение присяги — это нарушение клятвы. В свое время присяга приносилась перед религиозными символами. Православные приносили присягу одним образом, мусульмане — другим, обязуясь не только перед обществом, не только перед книгой, которая называется Уставом или Конституцией и к которой у граждан может быть совершенно различное отношение, но и перед символами, которые являлись для человека, приносящего присягу, абсолютным непреходящим авторитетом. Это происходило именно для того, чтобы обязать носителя власти не совершать действия, которые разрушали бы государственность.

Применительно к современной полиции также следует определить, что человек ждет от полицейского. Если вынести за скобки масштабную критику, если вынести за скобки безобразные фильмы о полиции, которые по сути своей дискредитируют это высокое служение, — если просто оставить один на один обычного человека, гражданина, с представителями власти в лице полицейского, то что имплицитно присутствует в сознании человека, взирающего на полицейского, особенно в ситуации, когда человек нуждается в помощи? То, что в лице полицейского гражданин может найти защиту: его защитят, в его проблемах разберутся квалифицированно и справедливо. Если же не происходит ни одного, ни другого, ни третьего, если в проблемах не разбираются или разбираются не квалифицированно или, что еще хуже, преступно, отдавая предпочтение не долгу, не исполнению присяги, не выявлению справедливости, а отработывая дань, которую получили справа или слева, — то и происходит разрушение авторитета милиции (полиции), а значит, разрушение авторитета власти.

Некоторые говорят о том, что сегодня имеется некий кризис власти и начинают критиковать высшие эшелоны власти. У нас всегда так: если что-то происходит, сразу пишут письмо к Президенту, а иногда такие письма из Администрации Президента приходят и к Патриарху. Такая уж у нас психология: сразу Президенту, сразу на высший уровень. Примерно то же самое происходит и с реакцией на неблагополучие в правоохранительных органах — немедленно задействуются высшие эшелоны власти, и проблема, которую мы сегодня переживаем в нашем обществе, становится очень острой.

Опять-таки оставляя за скобками политическую ответственность полицейского — колоссальную политическую ответственность за страну, за институты власти, за стабильность в государстве, подчеркнем, что полицейский несет еще и колоссальную нравственную ответственность. Он может либо пресекать зло в обществе, либо умножать его. Если же система начинает воспроизводить зло, умножать зло, усиливать зло, то наносится огромный ущерб личности, обществу и государству.

Теперь позвольте мне поделиться мыслями о том, почему мы наблюдаем и отрицательные явления — наравне с героизмом, с проявлением жертвенности в служении Отечеству многих и многих сотрудников правоохранительных органов, с проявлением удивительной внутренней, я бы сказал, духовной силы, отваги, смелости. Наверное, каждому в жизни хотя бы раз приходилось встречаться с человеком, настроенным агрессивно и готовым употребить против вас силу. Это момент, когда требуется абсолютная концентрация внимания, физической силы и готовности дать отпор. Ты понимаешь, что перед тобой преступник, и это огромный стресс. Так вот, наши полицейские проходят через этот стресс каждый день по многу раз. И возникает вопрос: а что нужно делать для того, чтобы действия полицейского не наносили нравственного урона обществу, не дискредитировали власть, не подрывали основы государственности? Полицейские имеют дело с самыми болезненными, опасными проявлениями человеческого характера. Достаточно пойти вместе с полицейским в те квартиры, куда его вызывают. Откройте дверь, и вы увидите, что это болезнь, что люди не должны так жить: семейные конфликты, доходящие до угроз убийства или самоубийства, грязь, наркотики, алкоголизм, жилища, не похожие на человеческие жилища. А ведь это — не что иное, как площадка ежедневной работы полицейского. А допросы преступников, общение с преступным миром? А контакты с теми, кто предлагает взятки, во много крат превышающие реальные заработки полицейского? Это абсолютно нравственно неблагополучная среда, это, по большому счету, инфекционный изолятор. Но ведь когда в инфекционный изолятор приходит врач, у него есть соответствующие способы предохранения — повязки, иные средства; кроме того, такие врачи особенно обращают внимание на укрепление своего иммунитета, понимая, что могут заразиться.

А когда в эту заразу погружается молодой человек с небольшим жизненным опытом, когда он видит изнанку жизни, — какой шок, даже в эстетическом плане, какой удар по человеку! Красота спасет мир; а что же делает безобразие, если продолжать логику Достоевского? А безобразие разрушает мир, разрушает человеческую личность. Вот в таком абсолютно безобразном контексте — с духовно-нравственной, эстетической, культурной точки зрения — живет полицейский. Очень легко заразиться — одним,

другим или третьим. Разве мы суперменов облачаем в полицейскую форму и направляем их туда, где гниль, где разложение, где духовная гангрена, где холера и чума, передающиеся гораздо легче, чем физические холера и чума? Мы направляем туда молодых мальчиков и девочек. Какую духовную подготовку они получили? Речь-то идет не о владении физическим оружием, не о том, насколько у тебя сильные мышцы или как ты умеешь употреблять приемы рукопашного боя. Вопрос в том, какая у тебя способность сопротивляться этой болезни, насколько высок уровень твоего иммунитета.

Я считаю, что огромную ответственность за подготовку правоохранителей, так же, как и людей в погонах, идущих на защиту своей Родины, должны играть традиционные религиозные организации. И вот почему. Не потому, что у священника больше логики и больше знаний, чтобы убедить студента в недопустимости дачи и получения взяток или вообще необходимости удерживаться от каких-то проступков. Настоящее религиозное и духовное образование предполагает погружение человека в иной опыт жизни — так же, как и чтение прекрасных образцов художественной литературы, знакомство с лучшими произведениями театра, кинематографа, когда человек погружается в иной опыт жизни, настолько привлекательный, что он хочет подражать всему тому, что он увидел.

Я был еще сравнительно молодым человеком, когда появился фильм «17 мгновений весны». Когда я его смотрел, меня настолько захватил положительный опыт героя, что мне хотелось подражать ему даже в мелочах. Это был удивительно притягательный пример. Я уж не говорю — позвольте поделиться — о самом главном в своей жизни. Я никогда бы не сидел перед вами в этой рясе и в этом сане, если бы самым притягательным в моей жизни не был образ Христа и не было бы Евангелия. И это происходит не только на интеллектуальном уровне — здесь включается эмоциональный, эстетический фактор. Профессионалы скажут про фильм: так получилось, потому что постановка была хорошая, актеры хорошие, сценарий хороший. Это, так сказать, техническое объяснение. А на выходе, как говорят инженеры, — продукт огромной эстетической и нравственной силы воздействия на человеческую личность. Вот то же самое происходит, когда человек погружается в духовную традицию своего народа — не формально, в результате скучного чтения лекций, а соучаствуя лично.

В это духовное воспитание должна быть вовлечена Церковь, в нем должны участвовать лучшие представители нашей литературы, театра, кино — хотя у меня есть огромное количество вопросов относительно того, что у нас сегодня происходит и в сфере кинематографа, и в сфере театра. В свое время я старался не пропускать ни одной пьесы МХАТа. Сомневаюсь, что я бы это делал сейчас, даже если бы у меня было время. Никого не хочу критиковать, тем более не надо относить сказанное на счет одного театра. Но когда видишь иные «произведения» по телевизору, понимаешь, что они неспособны воспитать не только полицейского или защитника Отечества, но и просто здорового гражданина — чтобы у него была здоровая психика, чтобы он был способен создать семью, любить свою жену, детей, продолжать род человеческий...

И здесь позвольте перейти к самому главному. Если мы хотим, чтобы у нас была полиция, которая являла бы авторитетный образ страны, мы должны ясно понять, что это не задача уважаемого университета, в котором мы сейчас сидим, не задача

уважаемого Рашида Гумаровича с его командой, — это задача, которая стоит перед всем обществом и, в первую очередь, перед мыслящей частью этого общества. А потому для решения этой задачи нужно наваливаться всем миром.

Я уже сказал о необходимости участия в этом деле Церкви, других традиционных религий нашего Отечества. Но должны быть задействованы также литература, изобразительное искусство, кинематограф, театр. Собственно говоря, именно так в советское время старались воспитывать уважение к правоохранительным органам, и в этом не было ничего плохого. И лучших актеров приглашали для того, чтобы они играли соответствующих героев, и сценарии писались так, чтобы там непременно, без всяких оговорок, положительный герой был на стороне правоохранителя. А в нынешних «произведениях искусства» — в кавычки беру эти слова — нередко не можешь понять, кто же главный герой? Кто положительный герой? Где грань между добром и злом? Все перемешано, и полицейские-милиционеры выглядят так, что тошно смотреть, и гадко слышать все эти диалоги, которые сопровождаются распитием спиртного в служебных кабинетах.

Проблема куда серьезнее, чем просто оказать помощь правоохранителям. Надо оказать помощь всему нашему народу, нашей молодежи. Мы непрестанно об этом говорим, но что-то воз и ныне там. И у меня мало оптимизма, что после нашей сегодняшней встречи что-то изменится в политике телевидения, в создании кинематографических лент, в появлении новых книг. Но не сказать это невозможно, пусть даже это будет глас вопиющего в пустыне. По крайней мере, сегодняшняя встреча зафиксирует, что такой глас был, и я очень надеюсь, что этот глас будет поддержан.

И последнее по плану моего скромного выступления, но совсем не последнее по сути. «Духовность, нравственность, закон» — может быть, вы выстроили эту последовательность слов отчасти случайно, исходя из того, что здесь будет Патриарх, будет муфтий, будет раввин, а значит, нужно, чтобы все это присутствовало. На самом же деле вы высветили огромную философскую, историософскую проблему. Закон всегда опирался на нравственность; если же законы принимались безнравственные, то общество их отвергало. Последний пример протестов против безнравственных законов — думаю, последний в истории рода человеческого, если не произойдет радикального нравственного обновления людей, — это протесты против законов апартеида в Южной Африке.

А почему безнравственный закон всегда отторгался людьми? Да потому, что существует такое понятие, как нравственная природа человека, некий нравственный консенсус. Люди веры отвечают на этот феномен следующим образом: Бог возжелал, чтобы у человека была нравственная природа. Люди неверующие пытаются объяснить это эволюцией, еще чем-то, и всегда спотыкаются, здесь всегда разрушается логика. Я много раз говорил о том, что марксизм-ленинизм был очень слаженной философской системой, но имел уязвимое место — это вопрос нравственности. Совесть и нравственность марксисты объяснить не могли, потому что сразу скатывались в очень уязвимую область, легко опровергаемую оппонентами.

Так вот, этот нравственный консенсус всегда присутствовал в обществе. Посмотрите, что сказано во Всеобщей декларации прав человека: права человека могут быть ограничены в том случае, если они вступают в противоречие с моральными установками общества. Все это предполагает наличие нравственного консенсуса. Но сегодня мы переживаем страшное время, которое называют постмодерном, — с религиозной точки зрения это нечто такое, что приближает нас к трагическому концу, когда впервые за всю историю потерял нравственный консенсус. Сегодня навязывается понятие абсолютной автономии человеческой личности, которая и определяет сама для себя систему нравственных ценностей, и никто не вправе сказать, что одна система нравственных ценностей хуже, чем другая. Вы посмотрите на дебаты вокруг кошуна в Храме Христа Спасителя: «А чего вы возмущаетесь? А чего же плохого? Ничего плохого нет»...

В нашем обществе большинство людей еще придерживаются нравственного консенсуса, но делается все для того, чтобы этот нравственный консенсус был разрушен. А если будет разрушен нравственный консенсус, то какие останутся законы? Нравственность — это единственный фундамент, который сегодня способен объединить наше общество, более того, род человеческий. Это единственное, что может объединить и примирить русских с американцами, африканцев с латиноамериканцами, если какие проблемы между ними существуют. Если есть нравственный консенсус, то из него вырастает общая законодательная система, включая защиту прав человека, как это очень хорошо и четко определили «отцы-основатели» ООН. Но сколько времени прошло после создания ООН — а нравственный фактор, как объединяющий и консолидирующий людей, формирующий законодательство, исчезает.

Возьмите проблему так называемых гендерных законов. Сегодня принятие гендерных законов становится едва ли не визитной карточкой в Евросоюз. Нет гендерных законов — вы не полноценный европеец. А что означает принятие гендерных законов? Это отказ от понятия биологического пола. Отныне пол — это социальное явление, человек может сам конструировать свой пол. Эти законы основываются на нравственном консенсусе в обществе? никоим образом. А как они принимаются? Силой, давлением Интернета и телевидения на общественное мнение, выкручиванием рук, запугиванием.

Так вот: если мы с вами разрушим эту связь между духовностью, нравственностью и законом, давайте забудем тему честности полиции, давайте забудем вообще тему жизнеспособности человеческого общества. Речь идет о будущем человеческой цивилизации. Я не знаю, является ли эта площадка подходящей для того, чтобы озвучить эти мысли, но я так или иначе озвучиваю их многократно и, учитывая, что нас сегодня слушает очень большое количество людей, я бы хотел, чтобы это прозвучало очень сильно. Речь идет о самом существовании человеческого общества, а отнюдь не о существовании полиции как эффективного средства сдерживания.

Поэтому в первую очередь мы должны сегодня думать о том, чтобы законы основывались на нравственном консенсусе. Второе, о чем мы должны думать, — это о том, чтобы нашей молодежи, в том числе готовой принять присягу, не только прививалось правовое сознание, но чтобы была обеспечена нравственная, духовная подготовка, которая выработает иммунитет, даст «респираторы», надевая которые,

люди смогут входить в помещения с повышенной инфекционной опасностью, не заражая себя и своих близких. Без этого никакое повышение зарплаты, никакие детекторы лжи не сработают.

Благодарю Вас, Рашид Гумарович, что Вы мне первому дали слово, и я хотел бы подчеркнуть, что эта проблема и лежит в основе. Решать эту проблему мы должны все вместе — и руководство правоохранительных органов, и лучшая часть ваших сотрудников, которые, конечно, размышляют обо всем этом, и представители традиционных религий, и наша общественность, и выдающиеся представители нашей науки, культуры, образования. Все вместе, основываясь на нравственном консенсусе, мы сможем изменить нравственное состояние нашего общества к лучшему, в том числе сумеем воздействовать на ситуацию в правоохранительных органах. Благодарю вас за внимание.

[Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси](#)